

ОТЗЫВ

доктора политических наук Леонида Гершевича Фишмана на автореферат диссертации Янглеевой Марины Михайловны «Политическая медиагеография как основа технологии проектирования и прогнозирования политических процессов», представленной на соискание степени доктора политических наук по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Политическая наука, как и всякая наука об обществе, время от времени переживает периоды, требующие обновления если не господствующих парадигм, то новых сочетаний средств и методов, соответствующих новым предметным областям. Одной из ключевых черт современного мира является как радикально возросшая, по сравнению с прошлым, роль средств массовой информации, так и пересекающаяся с ней и стремительно становящаяся тотальной цифровизация всех сфер общественной жизни в глобальном масштабе. И все же, несмотря на всю глобальность и универсальность процессов медиатизации и цифровизации, мировое информационное поле не является чем-то гладким и однородным. В нем есть свои топографические различия, свои перепады температур, направления ветров и течений, тесно связанные с политико-географическими разграничениями реального мира, но не всегда совпадающие с ними. Изучать эти различия, перепады, течения, ландшафты и т.д. должно особое направление политической науки – политическая медиагеография, которой и посвящена диссертация Марины Михайловны Янглеевой. С точки зрения автора, с которой трудно не согласиться, «назрела необходимость с разных сторон изучить ментальные ландшафты, выявить жизненные приоритеты и мировоззренческие установки современников» (с.6). При этом развитие ситуации, связанной с ходом мировых политических процессов, опережает развитие методических подходов и технологий социально-политических исследований. Большинство населения планеты сегодня, замечает диссертант, являются активными пользователями Интернета (5,3 из 8 млрд.) и проводят свое время в цифровой среде. Продуцирование политических и иных смыслов неразрывно связано с деятельностью массмедиа. Как справедливо замечает автор, современные политические процессы нельзя рассматривать вне медиации и медиатизации.

Соответственно, нарастает необходимость учета последствий цифровизации, появления возможности привлечения для расширения эмпирической базы исследований

big data, превращения методов количественного анализа в стандарты исследовательской работы в гуманитаристике. Все это обуславливает постановку научной проблемы, вытекающей из «несоответствия существующих теоретических подходов и конкретных методов анализа и моделирования с новым уровнем развития социума» (с.14). В диссертации обосновывается необходимость выделения политической медиагеографии в особую область социально-гуманитарного знания, поскольку сегодня имеют место революционные процессы цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности. Актуальность такого выделения, как и в целом формирования «цифрового обществоведения», обусловлена усилением соперничества разных стран «не только в кибер-, но и в ментальном, когнитивном пространстве» (с.21).

Следует отметить амбициозность цели, которая заключается в том, чтобы разработать и внедрить в российскую гуманитарную науку комплексную дисциплину *политическая медиагеография*, а также масштаб задач, которые потребовалось решить для ее достижения.

Прежде всего, автором осуществляется обоснование статуса политической медиагеографии, выделение ее из медиагеографии, а также выделение пяти центральных объектов исследования политической медиагеографии: ментальное пространство, ментальный ландшафт, регион как система социально-политических отношений, внутри- и внешнеполитическая коммуникация, аттракторы в политической системе. Ключевую роль играет понятие ментального ландшафта, который рассматривается как образ мысли, отношение как каким-либо значимым явлениям резидентов определенной местности. Ментальный ландшафт выступает как смысловой центр в создании иерархии идентичности (национальной, региональной, местной, локальной). Особый интерес для российской политологии представляет аспект политической медиагеографии, изучающий регион как пространство, «которое представляет собой систему социально-политических отношений, с основным упором на *чувстве места* и региональном смысловом рынке, создаваемом местной прессой» (с. 39). Вводится понятие «политического смысла», который представляется как антропосоциальный феномен, одновременно выступающий как товар, общественное благо и услуга. В диссертации он рассматривается как система, совокупность идей и знаний, полноценная идеология и как часть метаидеологии. Также следует обратить внимание на концепт «информационной обстановки», как совокупности условий и информационных факторов, влияющих на деятельность дипломатических и

иных российских государственных служб, включая работу по укреплению авторитета России на международной арене. Данный концепт играет важную роль в авторском исследовании ряда аспектов глобальной и региональной проблематики политической медиагеографии.

Высокая теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что автор использует свои методологические наработки для решения имеющих высокую степень актуальности прикладных задач. В частности, на примере Калининградской области, Сахалина, городов-столиц приграничных регионов им исследуется ментальный ландшафт страны с целью выявления потенциала сепаратизма в субъектах Российской Федерации. Автор предпринимает усилия для того, чтобы сформировать объективную картину процессов трансформации «праздничных мифов» в первую очередь в тех странах, которые составляли основу славянского национально-территориального ядра СССР и констатирует, что в этой, области социальной практики, «уже включены процессы слома традиционной идентичности и идет перестройка ментальных ландшафтов, очерченных рамками государственных границ». Также он приходит к выводу, что «национальные элиты постсоветских стран выбрали конфликтные по отношению ко всему русскому и советскому модели построения национальной идентичности» и что вследствие этого «пространство русского мира быстро сужается» (с.49). Большое внимание уделяется особенностям потребления злободневных общественно-политических смыслов населением разных государств.

Таким образом, показывается каким образом можно использовать политическую медиагеографию для решения внутренних и внешнеполитических задач, в частности, «для противостояния попыткам «запретить» русскую цивилизацию и развязать войны исторической памяти, наконец, для срыва информационно-психологических операций и планов репрессивной дипломатии Запада по изолированию, исключению России и русского этноса из мировой истории и мирового развития» (с.53). Все это свидетельствует о том, что развиваемые в диссертации подходы обладают значительным эвристическим и прогностическим потенциалом. Выводы, сделанные автором, а также выносимые им на защиту тезисы подтверждены анализом обширного материала на основе анализа big data. Они изложены в более чем 50 научных работах, включая 12 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть

